

Л. Е. ПИНСКИЙ

**Отзыв о книге М. М. Бахтина
«Творчество Рабле и проблема народной
культуры средневековья и Ренессанса»**

747 с.

Работа М. М. Бахтина — выдающееся явление во всей современной критической литературе, и не только на русском языке. Интерес этого исследования по меньшей мере тройкий.

Во-первых, это вполне оригинальная и захватывающего интереса монография о Рабле. М. М. Бахтин с полным основанием настаивает на монографическом характере книги (с. 23), хотя в ней и отсутствуют особые главы о биографии писателя, о мировоззрении, гуманизме, языке и т. д. — все эти вопросы освещены в разных разделах книги, посвященной в основном смеху Рабле.

Чтобы оценить значение этого труда, надо учесть исключительное положение Рабле в европейской литературе. Уже с XVII века Рабле пользуется репутацией писателя «странного» и даже «чудовищного». С веками «загадочность» Рабле лишь возрастала, и Анатоль Франс назвал в своих лекциях о Рабле его книгу «наиболее причудливой в мировой литературе». Современная французская раблеистика все чаще говорит о Рабле как о писателе «не столько неправильно понятом, сколько просто непонятом» (Лефевр), как о представителе «дологического мышления», недоступном современному пониманию (Лефевр). Надо сказать, что после сотен исследований о Рабле он все же остается «загадкой», каким-то «исключением из правила», и М. М. Бахтин с полным правом замечает, что нам «о Рабле хорошо известно то, что малосущественно» (с. 23). Один из самых знаменитых писателей, Рабле, надо признаться, едва ли не самый «трудный» и для читателя, и для литературоведа.

Своеобразие рецензируемой монографии в том, что автор нашел новый подход к изучению Рабле. До него исследователи исходили из магистральной линии западноевропейской литературы начиная с древних веков, понимая Рабле как одного из корифеев этой линии и привлекая фольклорные традиции лишь в качестве одного из источников творчества Рабле — что всегда приводило к натяжкам, так как роман «Гаргантюа и Пантагрюэль» не укладывался в «высокой» линии европейской литературы. М. М. Бахтин, напротив, видит в Рабле вершину всей «неофициальной» линии народного творчества, не столько мало исследованной, сколько плохо понятой, роль которой значительно возрастает при исследовании Шекспира, Сервантеса, Боккаччо, но особенно Рабле. «Неистребимая неофициальность Рабле» (с. 32) — вот в чем причина загадочности Рабле, которого рассматривали лишь на фоне магистральной линии литературы его века и последующих веков.

Здесь нет нужды излагать концепцию «гротескного» реализма народного творчества, раскрытую в этой книге. Достаточно взглянуть на оглавление, чтобы увидеть совершенно новый круг проблем, раньше почти не встававших перед исследователями и составляющих содержание книги. Скажу только, что благодаря такому освещению все в романе Рабле становится удивительно естественным и понятным. По меткому выражению исследователя, Рабле оказывается «у себя дома» в этой народной традиции, обладающей своим особым пониманием жизни, особым кругом тем, особым поэтическим языком. Термин «гротеск», обычно применяемый к творческой манере Рабле, перестает быть «манерой» сверхпарадоксального писателя, и уже не приходится говорить о своевольной игре мысли и необузданной фантазии причудливого художника. Вернее, сам термин «гротеск» перестает быть козлом отпущения и «отпиской» для исследователей, которые по сути не были в состоянии объяснить парадоксальность творческого метода. Сочетание космической широты мифа с острой злободневностью и конкретностью сатирического памфлета, слияние в образах универсализма с индивидуализацией, фантастики с поразительной трезвостью и т. д. — находят у М. М. Бахтина вполне естественное объяснение. То, что раньше воспринималось как курьез, выступает как привычные нормы тысячелетнего искусства. Я сам занимался Рабле много лет, мне известны основные работы о нем в зарубежном литературоведении, но я должен сказать, что никому еще не удавалось дать такую убедительную интерпретацию Рабле.

Во-вторых, перед нами замечательный труд, посвященный народной поэзии средних веков и Возрождения, фольклорному искусству добуржуазной Европы. Новое в этой книге не ее материал, о котором существует множество тщательно выполненных исследований — автор знает эти источники и приводит их, — но достоинство работы не в обнаруживаемой традиции. Так же, как в изучении Рабле, — здесь дано новое освещение этого материала. Автор исходит из ленинской концепции существования двух культур в каждой нации. В народной культуре (которая «прорвалась» в высокую литературу с наибольшей полнотой именно у Рабле) он выделяет сферу комического творчества, «карнавальную» стихию с ее особым мышлением и образами, противопоставляет ее официально-серьезному искусству господствующих классов в средние века (не только феодальному, но и раннебуржуазному), а также позднейшей литературе буржуазного общества. Характеристика «гротескного реализма» представляет при этом исключительный интерес (см., например, сравнение «гротескного тела» и «нового тела» на с. 478—491).

Значение народности для мирового искусства при такой интерпретации по-новому возрастает и выходит далеко за пределы вопроса о творчестве Рабле. Перед нами по сути типологическая работа: противопоставление двух типов художественного творчества — фольклорно-гротескного и литературно-художественного. В гротескном реализме, как показывает М. М. Бахтин, выражено народное ощущение хода времени. Это «народный хор», сопровождающий действие мировой истории, и Рабле выступает «корифеем» народного хора своего времени (с. 736). Роль неофициальных элементов общества для подлинно реалистического творчества (о чем пишут Маркс и Энгельс в известном разборе трагедии Лассалья) раскрывается в работе М. М. Бахтина совершенно по-новому и с замечательной силой. В немногих словах его мысль сводится к тому, что в народном творчестве веками и в стихийной форме подготавливалось то материалистическое и диалектическое чувство жизни, которое приняло научную форму в новейшее время. В последовательно проведенном принципе историзма и в «содержательности» типологического контраста — главное преимущество М. М. Бахтина перед типологическими схемами формалистов искусствоведов XX века на Западе (Вельфлин, Воррингер, Гаман и др.).

Замечу также, что особый интерес представляет работа Бахтина для проблемы реализма в искусстве, как известно, весьма спорной и актуальной в наше время. Работа проникнута мыслью о величии реалистического искусства, о его извечности, его гро-

мадном значении для всех эпох. Автор отстаивает «освещающую» роль Рабле для тысячелетия развития неофициального искусства средних веков, но его работа представляет также немалый интерес для понимания литературы поздней античности, Востока, как и для литературы Нового времени, которая, по его выражению, вся «усеяна обломками» народного гротескного реализма, впервые охарактеризованного в этой книге. В частности, изучающего русскую литературу заинтересуют страницы, посвященные связи Гоголя с гротескным реализмом (к сожалению, они отсутствуют в настоящей редакции работы, но они имелись в первоначальной, хранящейся в архиве Института мировой литературы).

В-третьих, рецензируемая работа — ценный вклад в *общую теорию и историю комического*. Анализируя роман Рабле, Бахтин исследует природу так называемого «амбивалентного» смеха, отличного от сатиры и юмора в обычном смысле слова, а также от других видов комического. Это смех стихийно-диалектический, в котором возникновение и исчезновение, рождение и смерть, отрицание и утверждение, брань и хвала неразрывно связаны как две стороны одного процесса — возникновения нового и живого из старого и отмирающего. В связи с этим исследователь останавливается на характере фамильярного смеха в неофициальных жанрах устного и письменного слова, в частности, в ругательствах, раскрывая его корни, его смысл, в настоящее время не вполне осознаваемый. Изучение этого материала, столь важного для романа Рабле, особенно в связи с устанавливаемой фольклорной основой его творчества, носит строго научный характер, и было бы ханжеством усомниться в необходимости такого изучения.

Роль смеха как «повивальной бабки новой серьезности» (с. 12), освещение «геркулесовой работы» смеха по очищению мира от чудовищ прошлого отмечено замечательным историзмом в понимании комического. Превосходство развиваемой теории гротеска сравнительно с концепцией Шнееганса, наиболее известной по этому вопросу, на мой взгляд, несомненно. Теория амбивалентного смеха, величайшим мастером которого, как показывает исследователь, является Рабле, заинтересует, несомненно, всякого, кто занимается общими проблемами эстетики. Наиболее ценное в этой теории смеха, так же как и в отмеченной выше типологии искусства, — содержательность категории комического, преодоление формализма, которым страдает трактовка комического в буржуазной эстетике и, в частности, в анализе гротеска.

Нет возможности в издательской рецензии отметить все проблемы, поднятые в этой работе, богатой тонкими замечаниями по самым различным вопросам. Для всякого исследователя литературы Возрождения будет плодотворным понимание искусства XVI века как стыка народного гротескного реализма, вышедшего в эту переходную эпоху в большую литературу, с возникающим под влиянием античности классицизмом и новым реализмом. Роль Рабле для понимания Сервантеса, Шекспира и других художников Нового времени здесь также *освещающая*. Особо отмечу тонкость анализа языка Рабле (гротескное слияние собственного и нарицательного значений в лексике), а также самой проблемы формирования новых литературных языков.

Достаточно богатая по фактическому материалу, книга Бахтина представляет собой прежде всего работу концептуальную. Освещение самых различных проблем с неумолимой логикой вытекает из одной основной мысли, ясно сформулированной уже в первой главе. Отсюда и построение работы, где мысль развивается концентрически, а не поступательно. По сути в каждой главе дана вся концепция, но она обогащается каждый раз новыми аспектами. Доказательством выдвигаемой новой теории служит плодотворность и последовательность единой мысли в разрешении самых различных вопросов, возникающих в связи с изучением романа Рабле.

В работе подобного типа не все моменты цельной теории могут быть одинаково бесспорными. Это исследовательская монография, в которой автор избегает шаблонов и проторенных дорожек и нарушает многие привычные представления. Но бесспорное и спорное, привычное и непривычное (например, с одной стороны, народность Рабле, его гуманизм, физиологизм, карнавальное начало его смеха, то, к чему читатель уже подготовлен предыдущими исследованиями, а с другой стороны, специфический язык народно-реалистической символики, концепция «материально-телесного низа») составляют неразрывное целое. Огромная аргументация, множество привлеченных литературных и фольклорных материалов, особая природа фольклорного творчества, о которой знает каждый этнограф, заставляют каждого непредубежденного читателя считаться с развиваемой концепцией, имеющей все права подлинно научной теории. Разумеется, всегда найдется рецензент, который не согласится с тем или другим из основных положений этой работы, но она вполне заслуживает того, чтобы подвергнуться обсуждению уже в качестве напечатанной работы, а не рукописи.

Перед нами исследование в 40 печ<атных> л<истов>, которое автор скромно считает только первым шагом в изучении большого вопроса о народном неофициальном искусстве прошлого (с. 735). Он сам готов допустить, что в решении поднятого им вопроса, возможно, не все вполне правильно; но он настаивает на важности этой задачи. Трудно с ним не согласиться. Но если бы вместо сорока печ<атных> л<истов> он представил четыреста листов, не сомневаюсь, что любители протоптанных дорожек нашли бы его дорогу недостаточно утоптанной. Разумеется, куда легче привести еще сотни фактов в подтверждение того, что Рабле «был гуманистом» и «его роман был связан с народным творчеством».

Отмечу также яркое изложение и местами блестящий образный стиль в освещении сложных эстетических вопросов — книгу с одинаковым интересом прочтет и специалист, и любознательный читатель; по своему содержанию, как и по форме, она отличается от обычных работ академического типа. Ни ее размеры, ни исследовательский характер не могут служить препятствием для того, чтобы она вышла в Государственном издательстве художественной литературы, которое в свое время выпустило труд К. Н. Державина о Сервантесе, не менее объемистый, но гораздо более специальный и довольно сухо написанный.

Работа имеет форму диссертации на соискание научной степени и нуждается в некоторой шлифовке. Это относится прежде всего к обильным цитатам на иностранных языках — их надо перевести, как и названия цитируемых произведений. Выше уже отмечен концентрический характер развития мысли, который приводит к частым повторениям одних и тех же положений и фраз. В какой-то мере это можно устранить, хотя и не до конца — повторения вытекают из композиции работы и связаны также с нагнетающей манерой изложения, по интонации близкой к устному слову.

Законченная в основном в тридцатых годах (что видно по приведенным в библиографии работам), рукопись, видимо, подверглась в сороковых годах существенной переработке. Отсюда обилие примечаний, которые, очевидно, являются позднейшими дополнениями, они затрудняют чтение, но легко могут быть перенесены в основной текст (см. с. 116, 175, 178, 179, 187 и т. д.). Близость к устному слову сказывается и в обилии подчеркнутых мест, количество которых надо сократить.

Полемику с работами Н. Я. Берковского тридцатых годов также можно сократить и свести к нескольким возражениям общего характера, дополнив оценкой советских работ последних де-

сятилетий о реализме. В рукописи встречаются стилистические небрежности: «Он (Рабле. — *Л. П.*) оказался пробным камнем для тех сторон Просвещения, в которых сказалась его (Просвещения. — *Л. П.*) буржуазная ограниченность» (с. 179). На с. 328 *mardi gras*, то есть «жирный вторник» (вторник перед Великим постом), переведено ошибочно как «чистый вторник» (вторник первой недели поста).

В нашей прессе уже высказывалось удивление, что ценная работа М. М. Бахтина, написанная свыше 20 лет тому назад и удостоенная, насколько мне известно, самых лестных отзывов со стороны известных ученых¹, представителей разных областей науки, остается без продвижения. Появление ее в печати было бы важным событием для всего раблеведения, ибо ни в советской, ни в зарубежной литературе нет работы, равной ей по значению.

1962

